

Переводчик: Антония

Как только его узнал другой, Ли Кайши опустил руку, закрыв лицо, и тут же оттолкнул тетю Фан, которая все еще была в шоке.

"Ты, ты, ты..." Почему ты? О, мой дорогой небеса!"

"Почему это не могу быть я? Я также хочу спросить, почему это она?"

Обе стороны все продумали свои схемы. По их вопросам и ответам люди сразу же понимали, что происходит, особенно когда вспоминали о том, что тетя Фэнг постоянно звонила человеку г-ну Нингу еще до того, как она ясно видела его лицо.

Сразу же лицо старейшины Фан посинело, бросилось к тете Фан, его жене, и она отвратительно ударила его по лицу.

Тот, кто также был в шоке, была сестра Фанга. Шлепок был настолько громким, что казалось, трясло ее душу. После всех этих поворотов, шока и беспокойства, теперь сестра Фан промокла в поту.

Относительно внимательно к человеку и подтверждения того, что это была Ли Кайши, она упала на землю с долгим вздохом облегчения. Наконец, ее кошмар подошел к концу.

После пощечины старейшина Фан поклонился старосте деревни: "Прости меня, голова". Я плохо учил свою дочь. Теперь, когда это случилось, семья Ли должна дать нам правильный ответ." Завершая свою просьбу, он отвратительно посмотрел на старейшину Ли.

У двух семей были разногласия, и они всегда ездили на велосипеде по мелочам.

Старейшина Ли был недоволен и разгневан поступком своего сына, но теперь, когда его сын был калекой, которому было трудно получить жену, и это действительно случилось, он должен был смириться с этим.

Несмотря на то, что у него были эти мысли в голове, он несколько чувствовал себя невольным и говорил: "Какой ответ? Наш сын Шикай - тихий и чистый человек. Но за то, что твоя дочь соблазнила его, как такое может случиться? Не думайте, что я не знаю. Ваша маленькая дочь избалована, ленива и придирчива. Хочешь жениться на нашей семье? Ни за что!"

Их сын спал с дочерью другой семьи. Было бы разумно жениться на ней. Тем не менее, он должен унижить старшего Фанга до предела, чтобы он мог предложить меньше свадебных подарков, и они дадут больше приданого.

Более того, этот старший Фан не был хорошим человеком, и его дочь тоже была липкой

женщиной, поэтому он должен воспользоваться этой возможностью, чтобы подавить их импульс. Только с этой насмешкой в руке, она была бы добра к его сыну в будущем.

Старейшина Фанг разозлился: "Вы имеете в виду, что не хотите брать на себя ответственность?". Если он проглотит гнев прямо сейчас, сможет ли ее дочь жить комфортной жизнью в будущем? Он должен обсудить это с другой стороной. Он боялся, что старик даже не захочет платить за свадебный подарок.

"По своему характеру она может быть только наложницей".

"Смеешь ли ты повторить это!"

Глава деревни увидел, что два старейшины начнут драку, если разговор продолжится, поэтому он отругался: "Хватит ругаться". Неужели тебе не хватает сцены?"

"Твой возраст запрещает тебе ссориться".

"Очевидно, что семья Ли говорит глупости!"

"Какую чушь я сказал? Все знают, что такое Фан Таоер. Зачем нашей Кайши выходить замуж за такую женщину?"

Опять началось, и деревенский староста почувствовал головокружение, стоя между ними и кричал: "Прекратите, вы двое! Постыдно. Теперь, когда они не женаты, просто устройте им свадьбу и переверните эту страницу".

Глава деревни сделал им устный выговор, но на самом деле он был в отличном настроении, потому что если бы эти два человека стали парой, то в будущем в деревне было бы гораздо меньше неприятностей.

Старший Фан каждые несколько дней посылал свою жену на поиски хорошего человека.

А старейшина Ли тоже часто появлялся в доме старосты деревни и позволял жене найти Ли Кайши женщину.

Когда староста деревни стоял между ними, все больше людей шагнули вперед, чтобы разобрать двух старейшин. В конце концов, это было неподходящее место для обсуждения брака.

После ухода старейшины Фан снова ожил, встал с земли и дал несколько пощечин Ли Кайши.

Тетя Ли увидела, как над ее сыном издевались, и поспешила заступиться за него.

"Это твоя дочь бесстыдна". Почему ты бьешь моего сына?"

"Очевидно, что это твой сын насилует мою дочь."

"Ты такой бесстыжий..."

В конце концов, это случилось. Как мать, что могла сделать тетя Фэнг, так это бороться за свою дочь: "Что ты сказала? Скажи это еще раз, и я порву тебе рот."

Что не так с нашим Таоер? Она, по крайней мере, полноценный человек, не такой, как твой сын моды, который теперь калека..."

И тетя Фан, и тетя Ли были в ярости, обвиняя друг друга в том, что они испортили свой идеальный план. Поэтому сначала они только проклинали, а затем начали сражаться, становясь врагами, прежде чем стать семьями.

Было несколько человек, которые пытались разорвать их на части, но эти две женщины били и рвали друг друга, как будто они принимали наркотики, забирали друг у друга волосы и никогда не отпускали. Остальные вообще не могли вмешаться.

"Отпустите меня!"

"Освободите меня первым!"

В связи с тем, что им не хватало места, чтобы остановить драку, а две женщины уже потеряли дух, только упрямо хватаясь друг за друга, но больше не сходя с ума, толпа стала отступать и вставать на сторону, чтобы посмотреть драму.

Обе мамы ввязались в горячую драку и ругались, в то время как двое в темном углу комнаты в крыле вели себя так, как будто это не имело к ним никакого отношения.

Обе они почувствовали жаркое тело и не получили достаточно. Медицинский суп вступил в действие, но он не сделал бы людей слишком запутанными, чтобы прекратить делать это.

Конечно, эти двое, которые выпили суп, не были целомудренными. Сладости, которую они только что попробовали, было недостаточно.

Раньше они ненавидели друг друга, но теперь они находили другого человека все более приятным.

В комнате было темно. Тетя Фан и Ли дрались изнутри и снаружи, и другие тоже шли за ними. Никто не заметил мужчину и женщину.

Ли Кайши, подойдя к углу, посмотрел на нее со смехом, а Фан Таоер сразу же последовал за ней с непристойной улыбкой. В углу они поцеловались и прикоснулись.

Эти два бесстыдных человека целовались, как два примитивных животного. После нескольких раундов, прежде чем они полностью сняли одежду, один из них снял эту штуку, а другой...

Меньше чем через две минуты секс снова начался.

.....

Снаружи дома был скандал, но двое людей во внутренней комнате оставались ненормально спокойными.

Один лежал наполовину на диване и читал книгу; другой с улыбкой играл абакус. Между диваном и столом была зажжена свеча. Теплый желтоватый свет делал комнату все более спокойной и умиротворенной.

Мо Цяньсюэ закончил проверку бухгалтерской книги, вытянулся и подарил большую улыбку, услышав шум снаружи. Она оглянулась на Нин Шаоцина, который читал в такой тишине и почему-то чувствовала себя немного неудобно.

У нее было ощущение, что все ее маленькие фокусы не ускользнули от его глаз, поэтому она оправилась от самодовольства, подошла и заставила посмеяться: "Ты думаешь, я слишком плохая?".

Нин Шаоцин положил книгу, тихо глядя на нее: "Ни за что! Я думаю, ты слишком добр".

"А?" Только что она была только подозрительной, но на данный момент она могла сказать наверняка, что он знает все. Но как? Страшнее было то, что он не только знал все, но и оставался таким спокойным так долго, чтобы читать книгу. Казалось, что ей нужно было пересмотреть этого человека.

При виде ее онемевшего взгляда Нин Шаоцин проткнул ей лоб и кашлянул: "Ты делаешь доброе дело, устранив два бича для всей деревни и в то же время заключив брак". Он выглядел серьезно, но Мо Цяньсюэ был очень счастлив и с большим облегчением.

После смеха она подделала торжественный тон Нин Шаоцина и добавила: "Ты права". Они естественная пара". Со своими личностями, они могли бы наслаждаться несколькими сладкими днями в начале, но в будущем будет множество кусочков, за которые можно будет сражаться. Правда, это было естественное совпадение.

"Хахаха". На этот раз Нин Шаоцин ворвался в смех.

Он взял Мо Цяньсюэ на руки, шепнул ей на ухо: "Цяньсюэ, ты знаешь, что ты такая красивая, когда улыбаешься?".

Мгновенно она покраснела. Она хотела сказать, что он был красивее с улыбкой.

Где-то снаружи теневой охранник протыкал ему уши. Он не ошибся, не так ли? С каких пор его хозяин начал говорить сладкие слова с женщинами?

Потом он услышал странные звуки из другого места. С насмешкой вспыхнула черная тень.

Двое, прокатившиеся в комнате в крыле, вдруг почувствовали прилив холода и дрожали от него.

Ли Кайши даже почувствовал странный порыв ветра среди холода, сметаясь вдоль позвоночника, что сразу сделало его вещь мягкой.

Вздрогнув и испугавшись, он встал и надел штаны, оглядываясь вокруг.

Клык Таоер почувствовал пустоту в ее теле и обнял его, шумя от недовольства: "Ты, маленький дурак!

Ли Кайши проверял снова и снова, но он никого не заметил. В конце концов, он был немного виноват и утешал ее: "Хорошая девочка". В следующий раз, когда я буду уверен, что ты будешь полна".

Теневой охранник чихнул в темноте, потому что однажды ударив по нему техникой Разрушителя, мужчина больше не имел возможности прокормить женщину до конца своей жизни. Первоначально теневой страж освоил эту технику только из любопытства, так что это был первый раз, когда он действительно воспользовался этой техникой. Два грязных человека заслужили это за то, что окрасили землю его хозяина.

"Посмотри, какой ты робкий!" Фан Таоер начал одеваться. Хотя она прокляла его словесно, ее сердце было очень милым. Оно было бы у неё в будущем.

Одеваясь, она даже тайно называла себя слепой: Господин Мин был явно слабее Ли Кайши, который был таким милым и знал романтику.

Ли Кайши тоже оделась и пошла за ним.

Они видели двух старых женщин у горла друг друга. Посмотрев друг другу в глаза, они с отвращением оттащили свою собственную мать, а затем некоторое время шептались.

Тётя Фан и Ли стали менее напряжёнными, но всё равно ненавидели друг друга. Они оба фыркнули и планировали выкинуть ещё несколько проклятий, но их бесполезные дети увлекали их за собой.

Публика не ожидала такого конца. Увидев, что уже слишком поздно, все попрощались и пошли домой.

Сестра Фан, Гуйхуа и Цзюнянь отослали всех гостей, убирая столы, и тихо ушли. Никто не вошёл во внутреннюю комнату, чтобы прервать встречу с голубками во внутренней комнате.

*

Вставая рано утром, Мо Цяньсюэ сначала проверил в мастерской и, кстати, тонко предупредил сестру Фан и Гуйхуа. Хотя то, что они сделали вчера, было добрым намерением, она не хотела, чтобы такое повторилось.

Хорошо это или плохо, но она хотела, чтобы её судьба была в её собственных руках, кроме миски супа или лекарства.

Сегодня был хороший день, потому что её ресторан был открыт для бизнеса.

К тому времени, когда Мо Цайньсюэ, Цзюнянь и Ван Сяоли прибыли туда, Юньяо уже все убрала и приготовила.

У Юяо было красивое лицо, и она каждый жест несла с собой хорошие манеры. Впервые Мо Цяньсюэ встретил её пять дней назад.

В тот день, с Су Ци в качестве посредника, Мо Цяньсюэ назначил встречу с господином У, чтобы обсудить бизнес тофу в Байюньчжу.

На полпути.

Она была в белом с филиальной повязкой на голове, стоя на коленях на земле. Черные длинные волосы были завязаны в булочку. Бледное лицо не видело следов крови, а глаза были наполнены печалью. Но слезы не было. На руках она держала маленькую девочку с таким же выражением лица.

Мо Цяньсюэ подошла, встала и посмотрела вниз на кусок белой ткани перед ней, пишущей:

"Я Юняо. Мой муж ушёл учиться на следующий день, когда мы поженились и не вернулся после восьми лет. Я родила дочь и с тех пор жила с тещами. Мы не были богаты и неожиданно, мой тесть заболел редкой болезнью, поэтому нам с тещей пришлось потратить все наше имущество, чтобы собрать деньги на медицинские расходы".

Однако, в конце концов, он умер.

Моя теща не пережила внезапных перемен и умерла в тот же день вместе с ним от усталости и беспокойства. У меня нет ни гроша, ни родственников, поэтому теперь их тела положили в храм, потому что я не могу позволить себе похоронить их в гробницах. Любому джентльмену, прошедшему мимо него, который мог бы помочь мне устроить похороны моим тестям, я готов стать твоим рабом и сделать все, что в моих силах, чтобы служить тебе вечно".

Белая тряпка была чистой, а надпись была сильной, чтобы проникнуть внутрь тряпки. Очевидно, она занималась каллиграфией.

Во времена династии Тяньци несколько простых женщин были грамотными и меньше занимались каллиграфией. Именно её письмо заставило Мо Цяньсюэ остановиться.

На белой ткани были несколько медных монет номиналом в один цент. Очевидно, что не было людей, которые хотели бы помочь ей в реальности.

Пухлый мужчина средних лет заходил: "Эта цыпочка симпатичная, а? Если я ее куплю, она может быть хорошей рабыней, чтобы служить мне". Есть и молодая. Хорошая сделка." Тон был неуважительный.

Юняо крепко держал девушку на руках. Опухшие суставы ее пальцев показали ее возбуждение.

Тем не менее, ее возбуждение не выдало ее. Ее ответ был не смиренным, не высокомерным, совершенно тупым: "Господин, я продаю себя только за тяжелую работу". Моя дочь не продается..." То, что она имела в виду, было ясно.

Злобный слуга рядом с толстяком средних лет проклял: "Ты ебанный идиот..."

Голова опустилась вниз, но спина была прямой.

Зрители убедили мужчину: "Эта цыпочка нелегка на побегушках". Ты не знаешь, что много лет назад она так себя продала. Мать учёного приняла её, потому что знала, как писать. Она дала деньги на похороны своего бывшего хозяина и провела свадьбу после стодневного траура в качестве невестки.

Кто бы мог подумать, что муж этой крутой женщины пошёл на экзамен и так и не вернулся?

Теперь ее свекровь тоже умерла..."

Пухлый мужчина средних лет смотрел на нее и ушел, размахивая рукавами, прежде чем зритель закончил, как будто опасаясь быть запятнанным ее несчастная судьба.

Мо Цяньсюэ покачала головой и в тайне назвала древних людей глупыми.

Она очень ценила характер Юняо. Так как ресторан собирался открываться, лучше купить человека, чем нанять работника. В будущем будет несложно учить ее простой математике.

Ее неуступчивое выражение и ответственные поступки, которые она продавала, чтобы похоронить своего бывшего хозяина и свекровь, доказали ее чувство надежности и совести.

Она предпочла бы продать себя, чем продать свою дочь. Очевидно, что, хотя у нее мягкое сердце, у нее также есть принципы, которым она не уступит.

Мо Цяньсюэ не могла не кивнуть с удовлетворением, подойдя и сказав: "Подними голову".

Юняо посмотрел на Мо Цяньсюэ и онемел, не сказав ни слова.

"Я куплю тебя, а также позабочусь о твоей дочери при условии, что ты будешь верен мне всю жизнь".

Темные глаза стали мокрыми, и слезы тут же устремились вверх и скатились вниз по бледным щекам.

Юняо собрала дочь и поклялась ей: "Да благословит тебя небеса госпожа моя". Клянусь всегда быть верным тебе, иначе я готов принять с небес громовое наказание". Потом она жестикулировала своей дочери: "Ксиси, подойди и поблагодари госпожу за ее милость".

Она сама называла мадам Мо Цяньсюэ, но позволила своей дочери позвонить госпоже, чтобы показать, что Сиси не становится рабом, а только заботится о себе.

Мо Цяньсюэ не возражала против терминов обращения, а просто ненавидела древнее общество со строгими правилами классов. Она боялась, что её не следует называть госпожой, и это прозвучало странно, поэтому она сказала им: "Не называйте меня госпожой или госпожой". У меня от этого кружится голова. Просто называй меня боссом".

Это звание может распространяться на мастера или госпожу, а также на работодателя. Теперь этот адресный срок подходит ей больше всего.

Юняо посмотрел вверх и снова поклонился: "Да, босс". Она говорила вежливо, отражая ясный и гибкий ум.

"Да благословит вас небеса, босс!" По предложению матери, Ксиси тоже снова поклонилась.

По манере Юняо Мо Цяньсюэ считала, что она, должно быть, осталась в благородной семье, и удивлялась, почему ее бывший хозяин должен деградировать до такой степени.

Однако трагедия ее бывшего хозяина произошла восемь лет назад, поэтому Мо Цяньсюэ тут ни при чём. Она задала Юняо еще несколько вопросов, а затем подписала контракт. Отдавая ей десять тазелей серебра на похороны свекрови, Мо Цяньсюэ разрешила ей прийти на скамью подсудимых три дня спустя.

Видя, что Мо Цяньсюэ так ей доверяет, Юньо закрыла глаза и сделала глубокий вдох, прежде чем настоять на том, чтобы снова поклониться Мо Цяньсюэ.

Скопления слез увенчались успехом, как пружина, падая на ее белые одежды. Маленькая девочка увидела, что сделала ее мать, а также спустилась на землю и продолжала котвтуинг.

"Спасибо, босс".

<http://tl.rulate.ru/book/14777/799154>